

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ О. АРХИМАНДРИТѢ ПАВЛѢ (ПРУССКОМЪ).

Мое знакомство съ покойнымъ о. Павломъ, настоятелемъ единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ, началось съ чтенія журнала *Истина*, издававшегося въ городѣ Псковѣ его ученикомъ о. Константиномъ Голубевымъ подъ непосредственнымъ руководствомъ о. архимандрита. Будучи ученикомъ V класса Костромской духовной семинаріи, я завелъ съ о. Павломъ переписку по нѣкоторымъ вопросамъ о единовѣріи, напечатаннымъ въ фельетонѣ *Современныхъ Извѣстій*. О. Павелъ всегда отвѣчалъ, и это меня несказанно радовало. Находясь въ VI классѣ семинаріи, я уже твердо рѣшилъ—пожить у него въ Москвѣ и въ просительномъ тонѣ написалъ ему письмо. Онъ отвѣтилъ: „Братъ Михаилъ! Пріѣзжай и что могу, дамъ по твоимъ способностямъ и образованію“. По окончаніи занятій въ VI классѣ я съѣздивъ къ своимъ родителямъ, съ ихъ благословенія отправился въ Москву и 14 августа 1889 года, въ 2 часа дня, былъ въ Никольскомъ Преображенскомъ единовѣрческомъ монастырѣ. Вхожу въ келлію о. Павла и вижу: въ тепломъ коридорѣ на дешевомъ диванѣ сидитъ старецъ въ грубой холщевой рубашкѣ, опоясанный дешевымъ ситцевымъ платкомъ, темно-сѣрыхъ ветхихъ суковныхъ шароварахъ и валяныхъ подшитыхъ сапогахъ. На головѣ его была дырявая ватная скуфья, а въ рукахъ простая деревянная палка. Постный и изможденный видъ лица старца, а также бѣдное его одѣяніе меня поразили (вѣдь Москва, думалъ я). Спраши-

ваю его: „не могу ли я видѣть о. архимандрита Павла, какъ какъ по его письму я пріѣхалъ изъ Костромы пожить во ввѣренномъ ему монастырѣ и поучиться у него“.—„Да, вѣдь, Павелъ-то неученый человѣкъ.“—„Я это знаю и все же имѣю неодолимое желаніе пожить у него—доложите ему пожалуйста.“—„Да вотъ видишь ли—Павелъ-то я самый и есть.“ Я тотчасъ подошелъ къ нему подъ благословеніе и вновь сталъ просить его принять меня въ обитель. „Ну что же, съ Богомъ—поживи.“—„Гдѣ?“ спрашиваю.—„Да вотъ вмѣстѣ со мной и живи.“ Я ему въ ноги: лучшаго я даже не предвидѣлъ.

Келейникъ о. архимандрита Іосифъ (нынѣ священникъ въ г. Боровскѣ, Калуж. губ.) тотчасъ угостилъ меня обѣдомъ: щами, картофельнымъ супомъ и кашей. Это была обычная трапеза самого о. Павла.

Такимъ образомъ водворился я въ Никольскомъ Преображенскомъ единовѣрческомъ монастырѣ и до сихъ поръ, облеченный священническимъ саномъ, безъ душевнаго волненія не могу вспоминать то счастливое время, которое я провелъ въ теченіе года въ болѣе чѣмъ скромной келліи о. Павла. Келлія его состояла изъ 5 комнатъ: коридоръ теплый съ двумя диванами (онъ же прихожая и пріемная просителей и собесѣдниковъ). Этотъ коридоръ и былъ моимъ мѣстожительствомъ; съ правой стороны его отъ входной двери—келлія эконома о. Александра (она же и чайная), а рядомъ съ нею—спальня о. Павла, знаменитая тѣмъ, что въ ней онъ дѣлалъ внушенія, замѣчанія, совѣты какъ лицамъ ему подчиненнымъ, такъ и пріѣзжимъ изъ другихъ епархій миссіонерамъ; въ спальнѣ стояла самая простая кровать, было довольно количество иконъ и деревянный ящичекъ съ деньгами, никогда не запиравшійся. Изъ него о. Павелъ тайно помогалъ буждающимся. Съ лѣвой стороны отъ входной двери—келлія звонаря; здѣсь же помѣщались нѣсколько маленькихъ учениковъ о. Павла, изучавшихъ священную исторію, грамматику, ариѳметику, пріучавшихся къ разумному чтенію Часослова, Псалтири, св. Евангелія и проч.

подъ руководствомъ какъ самого о. Павла, такъ и старшихъ учениковъ его. Наконецъ послѣдняя комната—небольшое зало съ ветхою мебелью. Въ этомъ залѣ и писалъ о. Павелъ свои сочиненія безъ точекъ и запятыхъ, хотя грамматику и синтаксисъ зналъ очень хорошо и, если не употреблялъ знаковъ препинанія, то «по привычкѣ» обходиться безъ нихъ. Въ этомъ же залѣ жилъ и келейникъ о. архимандрита, съ которымъ я и занимался переписываніемъ черновыхъ сочиненій (въ томъ году о. Павелъ писалъ свои «Замѣчанія на книгу Поморскихъ Отвѣтовъ Андрея Денисова»). Будничный день у о. архимандрита мы проводили слѣдующимъ образомъ. Утромъ о. архимандритъ часто самъ будилъ насъ и препровождалъ въ храмъ за богослуженіе. Послѣ утренняго богослуженія мы пили чай. Самъ о. Павелъ пилъ кофе и то послѣ поздней литургіи и не болѣе двухъ чашекъ. Послѣ поздней литургіи мы снова часто пили чай съ вареньемъ или медомъ (баловалъ насъ покойный). Въ это время приходили посѣтители и вели съ нимъ бесѣды. Говорилъ о. Павелъ съ ними просто, не витіевато, весьма авторитетно и убѣдительно. А сколько людей во время моего житія у него перебивало! Посѣщали его скромную келлію лица знатные и простые, ученые и неученые, богатые и бѣдные, православные и сектанты, вѣрующіе и невѣрующіе, и со всѣми о. Павелъ обращался безразлично ласково, всѣмъ оказывалъ посильную помощь словомъ и дѣломъ; инымъ давалъ совѣты, другихъ кротко обличалъ, наставлялъ, увѣщавалъ во всемъ, что касалось вѣры и житія, а многимъ даже помогалъ матеріально изъ своихъ скудныхъ средствъ.

И среди слушателей сидѣлъ старецъ въ такомъ же одѣяніи, въ какомъ я увидѣлъ его при первомъ свиданіи, только сверху надѣтъ былъ ветхій подрясникъ, и никто изъ посѣтителей этому не удивлялся. Бесѣды очень часто продолжались до вечера, причемъ одни изъ слушателей уходили, а вмѣсто нихъ являлись другіе. При мнѣ бывали посѣтители изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи: Финляндіи, Кавказа, Сибири, Польши.

Когда же о. Павелъ писалъ свои сочиненія? Во время утрени, между утреней и литургіей и во время самой литургіи, когда насъ въ келліи никого не было: я во время литургіи уходилъ въ школу, гдѣ училъ дѣтей въ старшемъ отдѣленіи *), а келейникъ о. Павла въ младшемъ. Остальные обязаны были присутствовать за богослуженіемъ. При насъ о. Павлу писать было невозможно: чрезвычайно часто привыкли мы надоѣдать ему своими вопросами, и онъ на самые ничтожныя давалъ разьясненія. Кромѣ этого рѣдкій и изъ монастырской братіи послѣ литургіи не заходилъ къ нему за совѣтами, а равно и съ матеріальными нуждами. Пищу бралъ отецъ Павелъ изъ братской трапезы, но весьма мало, и братія постоянно дивилась, чѣмъ онъ только живъ.

Послѣ вечерни вся почти братія сходилась въ чайную (въ келліи эконома). Здѣсь всѣ почти по очереди испытывались въ знаніи и усвоеніи дневной службы. Разсѣянно стоявшимъ за богослуженіемъ даже въ присутствіи лицъ стороннихъ нерѣдко приходилось слышать такіа слова о. архимандрита: «Эхъ, братъ, тѣломъ-то ты былъ въ храмѣ, а умъ-то твой по Москвѣ шатался». Этихъ словъ какъ огня всѣ боялись и заблаговременно просматривали стихиры и каноны дня. Кромѣ этого здѣсь же разрѣшались многіе вопросы, вродѣ, напримѣръ, такого: которое въ догматахъ лучше выраженіе: „волкохищное“ и „горохищное“—обрѣтъ овча“. Припоминалась исторія праотцевъ патріарховъ, вилеемскихъ пастырей, приточныя изреченія Христа Спасителя о пастырѣ и овцахъ, давалось понятіе о восточномъ пастухѣ и нашемъ (по найму) и проч.

Послѣ чаепитія каждый спрашивалъ о. Павла: чѣмъ бы ему заняться вечеромъ? И каждому давался совѣтъ сообразно его силамъ и способностямъ. Старшіе болѣе читали

*) Монастырская школа помѣщалась подъ извѣстной библіотекой А. И. Хлудова. Въ ней большинство учащихся были дѣти Преображенскихъ Оедосѣевцевъ.

творенія св. отцевъ—кто на русскомъ, кто на славянскомъ языкѣ. Младшіе учили священную исторію, грамматику, ариметику, катихизисъ, обиходное пѣніе.

Около 6¹/₂ часовъ вечера всѣ уже были на своихъ мѣстахъ. Я же обыкновенно шелъ за о. Павломъ въ его спальню. Онъ ложился въ постель, а я садился около на табуретъ и читалъ газеты, журналы, вновь изданныя книги, брошюры, а иногда и письма, особенно ругательныя отъ раскольниковъ. Читалъ часовъ до 11 ночи. Впрочемъ чтеніе на полчаса прерывалось ужиномъ. Во время чтенія мнѣ приходилось видѣть, какъ по тѣлу о. Павла ползали извѣстныя отъ нечистоплотности насѣкомыя. Появились они у него потому, что о. Павелъ носилъ всегда одно и то же бѣлье (пока не истлѣетъ), никогда не умывался и въ баню не ходилъ. Мнѣ просто жаль его было; а иногда не вытерплю—спрошу: „Зачѣмъ вы, отче, все одну рубашку носите, вѣдь васъ кусаютъ“.—„Эхъ, Михайль, Михайль—ты не знаешь, сколько я вреда надѣлалъ святой церкви; по грѣхамъ-то своимъ я долженъ еще Бога благодарить за то, что онѣ меня кусаютъ. Не видишь развѣ, сколько не по заслугамъ мнѣ Господь даровалъ; я теперь архимандритъ, а когда присоединялся къ св. Церкви, за счастье считалъ быть монастырскимъ сторожемъ“. Какое смиреніе! Припоминаю еще одинъ такой случай, котораго до сихъ поръ забыть не могу. Однажды за вечернимъ чаепитіемъ шелъ разговоръ о грекахъ,—были и постороннія лица. Я возставалъ противъ грековъ и съ о. Павломъ заспорилъ крупно. Онъ мнѣ возражалъ и наконецъ велѣлъ замолчать. Я рассердился, ушелъ изъ комнаты, одѣлся и пошелъ гулять за монастырскія ворота. Походилъ по улицамъ и нѣсколько успокоился. Прихожу въ келлію, беру книгу—ничего не понимаю; чувствую, что виноватъ, а гордость мѣшаетъ сдѣлать два шага къ спальнѣ, гдѣ лежалъ о. Павелъ, и сказать: „виноватъ, отче, прости“. Такъ и легъ спать. Заснуть никакъ не могу—на сердцѣ словно камень лежитъ. Только слышу—и о. Павелъ не спитъ. Часовъ въ 12, когда уже

всѣ спали, вдругъ изъ спальни выходитъ о. Павелъ, садится противъ меня на диванѣ и спрашиваетъ: „Михаиль, спишь?“—„Нѣтъ, отче, не сплю“, а самъ думаю—сейчасъ бранить будетъ.—„Я виноватъ, что съ тобой грубо обошелся; хочешь въ ноги тебѣ поклонюсь и попрошу прощенія?“ Какъ я вскочу съ дивана и бухъ ему въ ноги: „прости меня, отче,—я виноватъ предъ вами—впередъ спорить не буду“.—„Богъ проститъ тебя; положи 3 земныхъ поклона и тайно попроси Господа, чтобы впередъ онъ подкрѣпилъ тебя“. Я тутъ же это исполнилъ и больше между нами недоразумѣній не бывало. На другой день взялъ меня съ собой въ Москву, такъ какъ ему нужно было ѣхать къ преосвященнѣйшему Виссаріону, епископу Дмитровскому. По дорогѣ заѣхали въ два магазина: въ одномъ заказалъ для меня коричневую триковую пару и дипломатъ, а въ другомъ—двой очки, велѣлъ меня свозить въ гостиницу, гдѣ я и напился чаю и закушался. На обратномъ пути онъ за мною заѣхалъ. Наказаніе, примѣненное ко мнѣ, примѣнялось и къ монастырской братіи.

Праздничные дни, кромѣ богослуженія, въ которомъ иногда участвовалъ и о. Павелъ, причемъ я былъ у него жезлоносцемъ, мало отличались чѣмъ отъ будничныхъ дней. Только послѣ вечерни всѣ участвовали въ бесѣдахъ съ раскольниками за монастырской оградой. Бесѣдами руководилъ бібліотекаръ Михаилъ Евѣиміевичъ Шустовъ (нынѣ іеромонахъ Мина).

Въ Москву, кромѣ какъ по порученію о. Павла, я не отлучался и, когда на Свѣтлой недѣлѣ сталъ проситься въ Успенскій соборъ, получилъ отъ о. Павла отвѣтъ: „молись больше дома, святые-то сами къ тебѣ придутъ“. И не отпустилъ. Царство ему небесное!

Священникъ Михаилъ Веселовскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ О. АРХИМАНДРИТѢ ПАВЛѢ (ПРУССКОМЪ).

Въ 10 № журнала *Душеполезное Чтеніе* 1899 года помѣщена небольшая моя статья подъ заглавіемъ: Воспоминанія объ о. архимандритѢ ПавлѢ (Прусскомъ). Сообщаю новыя свѣдѣнія.

Отецъ архимандритъ Павелъ весьма хорошо бывалъ настроенъ наканунѢ двунадесятихъ праздниковъ. Забывались имъ тогда тѣлесныя недуги, коихъ у него, особенно послѣ миссіонерскихъ поѣздокъ по Россіи, явилось не мало: болѣли ноги, болѣла грудь. Но онъ презиралъ плоть немощную, и проводилъ бессонныя ночи въ благочестивыхъ занятіяхъ. Предъ всенощнымъ бдѣніемъ подъ праздникъ собиралась къ нему вся монастырская братія. Вотъ и начнетъ онъ разъяснять сущность празднуемаго событія, причемъ не преминетъ указать ошибки старыхъ богослужебныхъ книгъ, кончая книгами патр. Іосифа, сличая ихъ съ вновь исправленными, употребляемыми въ Греко-Россійской церкви. Однажды, напр., онъ сказалъ лично мнѢ, что я буду читать канонъ вотъ съ какими словами: «Христосъ бысть заключенъ во гробѢ «со описанною плотію Своею», между тѣмъ какъ въ Греко-Россійской церкви сіи слова читаются безъ предлога «со», что и догматично. Исторію праздника сначала кому-нибудь прикажетъ рассказать, и при этомъ требовалъ, чтобы она выходила изъ устъ какъ можно ближе къ тексту книжнаго повѣствованія. При рассказѣ выраженія: «кажется» «думаю» не допускались. Возражая на

подобныя слововыраженія, о. Павелъ, говорилъ: «ты говори не то, что тебѣ кажется, а какъ на самомъ дѣлѣ было», или: «мало ли что ты думаешь, говори то, что лучше насъ съ тобой обдуманно». Но вотъ и исторія праздника разсказывава. Тогда-то о. Павелъ начиналъ самъ говорить. Во время путешествія по Палестинѣ, онъ ко многому тамъ присмотрѣлся, многого наслушался и, какъ человѣкъ, обладавшій тонкимъ умомъ и рѣдкою выдающеюся изъ ряда памятью, увлекательно сообщалъ свои свѣдѣнія, относящіяся къ празднуемому православною церковію событію. Сообщить, бывало, о дубѣ Мамврійскомъ, о рѣкѣ Іорданѣ, о водахъ Іорданскихъ, идѣже крестился Господь (въ коихъ и о. Павелъ удостоился искупаться) и т. п. Если же когда о. Павелъ затруднялся въ наименованіи чего-либо по-еврейски, помощникомъ ему въ этихъ случаяхъ являлся слушатель его, обращенный имъ въ православіе и привезенный изъ Іерусалима еврей Иванъ Егоровичъ Фильдманъ (при мнѣ онъ учился еще въ Московской духовной семинаріи). Иногда о святыхъ мѣстахъ о. Павелъ разсказывалъ со слезами, особенно о Голгоѣ, Геесиманіи. Понятно, сколь сильное впечатлѣніе производилъ онъ своими разсказами и разъясненіями при его громадной начитанности. Свящ. Библію онъ зналъ почти всю на память. А слушатели были все простые, неученые. Недаромъ покойный издатель журнала *Истина* о. Константинъ Голубевъ на вопросъ Исидора митрополита С.-Петербургскаго: гдѣ онъ, Голубевъ, учился? нешута отвѣчалъ: «въ университетѣ о. Павла» (разсказывалъ самъ о. Павелъ). А мало ли Голубевыхъ вышло изъ-подъ его гостепріимнаго крова? Трудясь самъ непосильно, недосыная и недоѣдая, постоянно озабоченный мыслию, что мало еще сдѣлалъ добра, онъ требовалъ и отъ другихъ труда усидчиваго, требовалъ, чтобы каждый послушникъ могъ выйти за ворота на бесѣду съ Евангеліемъ въ рукахъ и возвратиться непосрамленнымъ и безъ краски на лицѣ отдать въ своей бесѣдѣ о. Павлу отчетъ. Особенно заставлялъ о. Павелъ читать повозавѣтное писаніе, затѣмъ толкованія св. Іоанна

Златоустаго, — «этого святителя творенія простой народъ больше всего любитъ», — говаривалъ онъ; — св. Великаго Василя, Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина, Дѣянія Святыхъ Вселенскихъ соборовъ, толковую псалтирь Зигабена, «Записки на книгу Бытія», Филарета митрополита Московскаго, Макарія «Введеніе» и «Догматическое Богословіе», исторію церковную. О. Павелъ требовалъ, чтобы все это было прочитано не разъ, а два, три раза до тѣхъ поръ, пока не усвоятся. О своихъ миссіонерскихъ трудахъ о. Павелъ мнѣ лично рассказывалъ слѣдующее: «Вотъ пріѣду въ какую-нибудь весь съ Іоанномъ (іеродіаконъ), войдемъ въ сѣзжую избу на ночлегъ, устелемся на полу, пожжемъ кренделей, да выпьемъ водицы — вотъ и вся трапеза. Въ селеніи все раскольники. Они тоже наблюдать любятъ за нашимъ братомъ, что мы дѣлаемъ. А мы потихоньку и поживемъ недѣльки двѣ-три, побесѣдуемъ; смотришь, Господь и не забылъ заблудшихъ овецъ — привелъ ихъ во дворъ овчій. Разъ на Кавказѣ насъ казаки насилу изъ ставицы отпустили: поживи да поживи и, когда я не согласился, меня вызвали на сходку и я вынужденъ былъ принять отъ нихъ угощеніе». Теперь тамъ единовѣрческій приходъ, а священникомъ помощникъ миссіонера Прозорова изъ Владимірской губерніи, бывшій раскольникъ. «Много разъ меня предупреждали, что въ лѣсу гдѣ-нибудь меня подстерегаютъ. Но я твердо надѣялся на Промыслъ Божій, только повторялъ слова псалма: «аще пойду и посредѣ сѣни смертныхъ, не убоюся зла, яко Ты со мною еси, Господи», — и Господь спасалъ, хотя бывали предупрежденія и правдивыя. Особенно сердиты на меня раскольники за то, зачѣмъ я антихриста развѣнчалъ? Святое писаніе свидѣтельствуетъ за меня (пр. Даніила 7 и Апокалипсиса 13 глава). Должно быть онъ для нихъ нуженъ. Неужели они думаютъ, что антихристъ будетъ главою церкви? Мнѣ жаль ихъ. Жаль Пафнутія бѣжавшаго, Верховскаго, измѣнившихъ св. Церкви, пренебрегшихъ отъ Бога данный талантъ ради временныхъ выгодъ, измѣнившихъ Царю и Отечеству. Еслибы они пришли въ разумъ истины

искренно, я бы первый простеръ имъ объятія». Такъ вотъ какъ о. Павелъ разсуждалъ о подобныхъ лицахъ, а они (кстати) были его личные враги. Ревнители австрійскаго священства распространяли про о. Павла слухи, будто бы онъ держится православія изъ-за того, что его любятъ «золотыя шапки» (православные архіереи). Да, прибавлю отъ себя, его любили архіереи и не только православной русской Церкви, но и восточные іерархи: одинъ изъ нихъ, Никифоръ Карагергесъ, митрополитъ, былъ даже у о. Павла при мнѣ, и по его просьбѣ я лично, по приказанію о. архимандрита, вынесъ изъ снальни хорошо оттиснутый большой портретъ митрополита Московскаго Филарета. Его митрополитъ при мнѣ по-гречески называлъ «Василій второй». Припоминаю разсказъ Е. Антонова, нынѣ бібліотекаря Хлудовской бібліотеки, обращеннаго о. Павломъ въ православіе, жившаго при лже-архіепископѣ Московскомъ. «Разъ шла на Рогожскомъ кладбищѣ обѣдня. На клиросѣ насъ было трое, а въ моленной пусто. Когда лже-архіепископъ вышелъ на амвонъ со словами: «призри съ небесе, Боже, виждь и посѣти виноградъ сей», мы преспокойно отвѣчали съ клироса: «полно, владыка, врать-то; насъ всего три виноградины!» Хороши любовь, уваженіе и почтеніе отъ своихъ-то! Еслибы о. Павелъ былъ не твердъ въ убѣжденіяхъ, если бы не былъ истиннымъ сыномъ своей матери Церкви, коей глава Самъ Христосъ, не чтилъ верховное непрерывное священноначаліе оной Церкви, то такія лица, какъ о. Онуфрій, бывшій памѣстникъ Бѣлокриницкой австрійской лже-іерархія, бывшій архидіаконъ ея же Филаретъ, о. Мелхиседекъ, о. Іустинъ Тульчинскій, о. Проколій, М. Е. Шустовъ, Е. А. Антоповъ, Г. В. Сенатовъ, П. П. Ломакинъ, А. Е. Шашинъ, о. Ксенофонтъ Крючковъ и многіе другіе—люди съ твердыми убѣжденіями—едва ли бы чтили и любили о. Павла, какъ великаго своего учителя и благодѣтеля. Такіе, какъ Цафнутій, Верховскій, не могли любить о. Павла и улетучились за границу, какъ тьма бѣжитъ, истерня свѣта.

Весьма дорожилъ о. Павель дѣятельностію Братства св. Петра митрополита и на него возлагалъ большія надежды. Разсылка изданій Братскихъ, весьма дешевыхъ, при мнѣ производилась постоянно. Бесѣды въ домѣ Шумова, бывшія подъ руководствомъ преосвященнѣйшаго епископа Дмитровскаго Виссаріона, къ которому о. Павель питалъ сыновнюю любовь, были для о. Павла отдыхомъ, несмотря на то, что онѣ продолжались до полуночи. Послѣ этихъ бесѣдъ о. Павель всегда возвращался въ обитель радостный, безъ усталости; тотчасъ же намъ всѣмъ расскажетъ содержаніе бесѣды съ своими замѣчаніями. Его желаніе было таково, чтобы братствъ, подобныхъ этому, было больше, и чтобы для ослабленія раскола больше распространять книги и открывать школы грамоты. «Для начала, говорить, и это хорошо, а то какой-нибудь краснобай пріѣдетъ въ деревню и неграмотному народу мелеть, что ему на умъ взбредетъ; потому многіе и совращаются въ расколъ». Съ любовью вспоминалъ о. Павель школу о. протоіерея Кашменскаго въ Вяткѣ. «Книги въ деревнѣ,—это тѣ же миссіонеры. Вотъ каковой случай былъ у о. Константина Голубева. Въ одно волостное правленіе онъ посылалъ книжки своего журнала: *Истина*. Старшиной былъ раскольникъ и всѣ эти книжки кидалъ въ уголъ, не читая. Книжекъ накопилось довольно. Разъ онъ любопытствовалъ, что въ книжкахъ печатается. Смотритъ «Выписки А. И. Озерскаго», напечатанныя славянскимъ шрифтомъ. Заинтересовался, началъ читать одну книжку за другою, а это его привело къ соединенію съ Церковью. Въ школахъ больше всего нужно наблюдать, чтобы дѣти истово крестились и кланялись, знали каждый житіе своего святого, больше читали Евангеліе».

Священникъ Михаилъ Веселовскій.